

Жуань Цинхуань вернулась в звездный челнок и принялась размышлять, что сказать при встрече.

Честно говоря, к тому, что у матушки Жуань появился еще один ребенок, она относилась совершенно спокойно. В конце концов, вырастить ребенка — это не жену завести; раз уж взялась, пусть растит. С ее манерой воспитания, основанной на принципах естественного отбора, она вряд ли вырастит из малыша какую-нибудь бунтарку. Матушка Жуань — эксперт в области биологии, и если она время от времени создает новые формы жизни, то в этом нет ничего предосудительного.

Проблема была лишь в воспитании. То, что сама Жуань Цинхуань выросла с правильными взглядами и не свернула на кривую дорожку, объяснялось тем, что в свое время у матушки Жуань проснулся материнский инстинкт и она вбила в дочь самые жесткие жизненные установки.

Насколько жесткие? Ну, взять хотя бы вопросы отношений. Когда Цинхуань было всего шесть лет — в возрасте, когда нормальные дети играют в дочки-матери, — ее уже подвергли суровому «звездному просвещению». Матушка посадила крошечную дочку к себе на колени, невозмутимо открыла справочник по репродуктивной биологии и принялась читать лекцию.

Как устроены отношения между мужчиной и женщиной, как — между женщинами, как зарождается новая жизнь, почему безответственные молодые леопарды и кошечки ведут себя так, а не иначе... Матушка Жуань, светило биологии, излагала эти темы, которые обычно не обсуждают в приличном обществе, с предельной четкостью, расставляя акценты и заставляя дочь все заучить наизусть.

Конечно, маленькая Цинхуань ничего не понимала. Она даже не знала, что это за картинки перед глазами. Она пыталась закрыть глаза пухлыми ладошками, но матушка заставляла ее смотреть и при этом угрожала:

— Если в их возрасте ты начнешь крутить романы, я собственноручно тебя стерилизую.

Жуань Цинхуань: «...»

Под влиянием матери вся ее школьная жизнь прошла в тени угрозы ранней любви и последующей стерилизации. Ухажеров вокруг было хоть отбавляй — от Юйцюэ до Лофу, и парней, и девушек. Они сменялись один за другим, липли, как банные листы, и отделаться от них было невозможно.

Когда она пошла в старшую школу и окончательно повзрослела, количество поклонников не уменьшилось, а выросло. Вернувшись домой, она пожаловалась матушке, на что та отрезала:

— Хочешь отношений — жди университета. Если заведешь интрижку раньше — я тебя стерилизую.

Испуганная Цинхуань закивала как заведенная и с тех пор вела себя безупречно, став эталоном целомудрия среди клана Чжухуан.

Сейчас матушка сказала, что тому ребенку уже шесть лет. Именно в этом возрасте когда-то «отравили» сознание самой Цинхуань. Она подумала: раз уж она сама прошла через этот ад, нельзя допустить, чтобы кто-то еще повторил ее судьбу.

По памяти Жуань Цинхуань добралась до космической станции Герта. Персонал здесь состоял из обычных людей, и за сотню лет никто ее не узнал. Подойдя к главному входу, она выдала заготовленную фразу:

— Я дочь 81-го члена «Общества гениев», Жуань Мэй. Свяжитесь с ней, и я щедро вас вознагражу.

Охранники переглянулись и посмотрели на нее как на полную дурочку. Цинхуань неловко рассмеялась, помахала им рукой и по привычке приложила лицо к сканеру — дверь открылась.

Внутри все было по-прежнему, изменились только люди. И лишь в этот момент, почувствовав, что мир стал чужим, Цинхуань ощутила робость. Ее внезапный визит без приглашения был опрометчивым, да и пирожные с цветами сливы она не захватила...

Они расстались на плохой ноте, и хотя по телефону общались нормально, при личной встрече... кто знает, какотреагирует матушка? Но кто не рискует, тот не пьет шампанского! Все или ничего! Пан или пропал! Это же ее дом, в конце концов! В конце концов, мать и дочь всегда помирятся. Вперед, Жуань Жуань, ты лучшая!

Она не верила, что если упадет в ноги матушке и со слезами попросит прощения, та ее просто пнет.

— Инь...

В тот момент, когда она сжала кулак, подбадривая себя, к ее туфлям на высоких каблуках что-то розовое и пушистое, похожее на комок сакуры, прикатилось и издало жалобный звук. Цинхуань почувствовала, как что-то прохладное лизнуло ее стопу. Она отпрянула и увидела маленького лисенка, который смотрел на нее во все глаза.

— Лиса?

Лисенка, казалось, все понимал: он кивнул, уцепился за нее и снова жалобно пискнул. Они смотрели друг на друга в тишине, пока к ним не подпрыгнули пирожное-баоцзы и кошачий кекс из мусорного бака. Лису она не знала, а вот эти творения матушки узнала сразу.

Глаза Цинхуань засияли:

— Это же вы! Матушкины маленькие бесполезные сладости и зеленый баоцзы!

Сырный мусс и Фасолевый Грей: «...»

— Значит, ты с ними заодно? Ты тоже творение матушки? Ее ручная лиса?

Лисёнок промолчал, что было равносильно согласию. Цинхуань радостно подхватила его и закружила.

— Как здорово! — она по-свойски прижала лисенка к себе, зарылась носом в густую шерсть и поцеловала. — Сто лет прошло, матушка наконец-то перестала штамповать бесполезные сладости и мусорных котов.

Сырный мусс и Фасолевый Грей: «...» Значит, любовь проходит, да?

— Инь...

Лисенка, казалось, смутила такая пылкость, он застыл, не зная, что делать. Цинхуань, чья страсть к фурри-тематике наконец нашла выход, принялась зацеловывать его, пока вся мордочка не стала мокрой. Затем, нежно поглаживая его, она спросила:

— Малыш, не знаешь, где матушка?

Лисенок вырвался из объятий, отпрыгнул, и его глаза вспыхнули изумрудным светом. В следующее мгновение, на глазах у ошеломленной Цинхуань, все вокруг заволочло белым дымом. Когда он рассеялся, перед ней стояла маленькая лисодевочка ростом по пояс, которая вытирала платком слюни с лица.

Это была та самая лисодевочка, известная когда-то как Тинъюнь, а ныне — Вангуйжэнь.

Жуань Цинхуань: «?»

Яоцин, казармы штаба генерала.

Последняя стрела пронзила мишень, и поле взорвалось аплодисментами. Фэйсяо, с чьих пушистых ушей капал пот, вытерла лицо и принялась отдавать распоряжения по тренировке армии Цинцю.

Час спустя Фэйсяо вошла в комнату отдыха, а за ней, тяжело дыша, последовал Цзяоцю, протягивая ей полотенце.

— Утомительно, — усмехнулся Цзяоцю. Заставлять военного врача тренироваться вместе с солдатами — это перебор.

— Есть ли еще дела после обеда, кроме совещания? — Фэйсяо откинулась на спинку дивана.

Моцзэ ответил, что нет. Фэйсяо многозначительно добавила:

— А новых сообщений не было?

Моцзэ сразу понял, о чем речь: генерал спрашивала, не прислала ли госпожа весточку. Никто бы не поверил, что грозный генерал — подкаблучница, которая не может прожить без супруги и дня, словно без нее ей не хватает воздуха. Однако супруга была словно ледяная глыба: на десятки сообщений генерала отвечала максимум односложными «понятно», «принято» или «угу».

В последнее время, казалось, лед начал таять, но совсем чуть-чуть. Моцзэ, не в силах выдумать переписку из воздуха, протянул ей телефон:

— Нет.

— Хорошо, тогда я посплю. Разбудишь меня, вечером я отправлюсь к ней.

Фэйсяо безмятежно закрыла глаза.

Цзяоцю и Моцзэ переглянулись: «...Сестренка, ну нельзя же так сильно любить».

<http://bllate.org/book/21357/2173027>